

Известный советский писатель-новеллист, автор ярких и увлекательных устных, как он сам их называет, рассказов, Ираклий Андроников и замечательный актер. За исполнительскую деятельность писателю

присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Ираклий Андроников еще и ученый, историк, литературовед, критик. Почти тридцать лет он посвятил исследованию жизни и творчества одного из вели-

чайших поэтов России и всего человечества Михаила Юрьевича Лермонтова, 150-летие со дня рождения которого отмечает мировая общественность по решению Всемирного Совета Мира. В связи с этой датой в

Москве, в издательстве «Художественная литература» выходит книга Андроникова о Лермонтове. Ниже писатель рассказывает о том, что нового заключает в себе этот труд.

ОН СРЕДИ НАС

Ираклий Андроников, писатель

Еще при жизни поэта одна из его дальних родственниц — ее звали Александриной Верещагиной — вышла замуж за вюртембергского дипломата и, навсегда распрощавшись с Россией, поселилась в замке Хохберг близ Штутгарта. Она увезла с собой стихи юного Лермонтова, его письма, его рисунки, сделанные пером, карандашом, акварелью.

Еще при жизни поэта кузина Верещагиной Варвара Лопухина, которую Лермонтов нежно любил до последнего часа, передала на хранение в замок Хохберг рисунки и рукописи, которые Михаил Юрьевич подарил ей. Таким образом, в Германии образовалась солидная коллекция лермонтовских автографов и рисунков.

После смерти Верещагиной — Хюгель к ее потомкам обратился русский ученый — профессор П. Висковатов. Некоторые лермонтовские реликвии — но далеко не все — были одолжены ему ненадолго с условием, что он возвратит их. Висковатов снял копии, а самые рукописи и рисунки отослал обратно в Германию. Это было в 80-х годах. С тех пор этих материалов шик из русских ученых не видел.

Не так давно я получил сведения, что мюнхенский искусствовед доктор Мартин Винклер, приобретший лермонтовские реликвии во время распродажи имущества в замке Хохберг, хочет предложить нам обменять их на редкие книги, отсутствующие в библиотеках ФРГ. Началась переписка. Профессор Винклер пригласил меня побывать в ФРГ и посетить его в городе Фельдефинг возле Мюнхена.

Я думаю, нетрудно представить мое нетерпение, пока профессор доставал и раскладывал передо мною лермонтовские автографы и художественные работы. Наряду с теми, которые побывали в руках Висковатова, я увидел еще неизвестное стихотворение Лермонтова, его французский экспромт, полотно работы поэта, изображающее кавказский вид, автограф поэмы «Ангел Смерти», увезенный из России 126 лет назад, автопортрет поэта, акварельное изображение любимой им женщины, выполненное его рукой...

В одном из альбомов я обнаружил три новых автографа Лермонтова, а также его неизвестный рисунок. Оказалось, что все эти альбомы принадлежат правнуку Верещагиной — барону Вильгельму фон Кенигу, проживающему в Баварии в своем фамильном замке Вартхаузен. Из разговора стало известно, что в одной из комнат этого замка висит акварель Лермонтова.

Простившись с профессором Винклером, мы отправились в замок Вартхаузен — это в 170 километрах от Мюнхена — и, рассмотрев рисунок, украшающий гостиную барона, узнали еще и о том, что фон Кенигу принадлежали лермонтовские автографы, которые были проданы несколько лет назад с аукциона мюнхенской фирмой «Карл унд Фабер». На прощание барон доктор фон Кениг подарил мне фотографию с литографированного портрета своей прабабки Александрины Верещагиной — Хюгель; ее изображение, как думали биографы Лермонтова, в России не сохранилось.

Возвратился в Москву. Выступаю по Центральному телевидению. Рассказываю о результатах поездки в Федеративную Республику Германии. Показываю автографы, рисунки, картину, портрет Александрины Верещагиной — Хюгель...

Могу ли я знать, что происходит в это время на другом конце города — в квартире москвичей Комовых?

Юная художница Наталия Комова срывается с места, хватая телефонную трубку и звонит своей бабушке — та живет в другом районе Москвы: — Ты телевизор смотришь? — Смотрю.

— Это тот самый портрет, что висит у тебя над постелью?

— Тот самый.

— Откуда он у тебя?

— Я вынула эту литографию из нашего большого альбома, который лежит у вас подле зеркала...

Девушка бросается к зеркалу, раскрывает альбом и... обнаруживает неизвестный карандашный рисунок с подписью: «М. Лермонтов».

Это еще не все!

Передачу смотрели не только москвичи, но и ленинградцы. Одна из жительниц этого города — научный сотрудник института физиологии Академии наук СССР Антонина Знаменская пишет письмо, в котором предлагает мне посетить ее.

Лечу в Ленинград и в старинном альбоме, который вручает мне Знаменская, нахожу два автографа Лермонтова — известное стихотворение Лермонтова и другое... никому неизвестное.

Вернулся в Москву. Вызывают в редакцию «Последних известий Всесоюзного радио». Из города Серпухова — это в ста километрах от Москвы — приехала медицинская сестра Анна Немкова и хочет видеть ме-

ня. Она слышала по радио мою беседу о Лермонтове и привезла с собою альбом, очень маленький, не больше записной книжки. И утверждает, что в этот альбом Лермонтов собственноручно вписал две стихотворных строки. Ее слова кажутся просто невероятными. И, однако, это действительно так: рука Лермонтова, строки из его знаменитой «Думы». Альбом принадлежал...

Впрочем, чтобы выяснить, кому принадлежал в свое время этот альбом, понадобилось несколько месяцев. Выяснил. Лермонтов вписал эти строки, возвращаясь из первой кавказской ссылки, в альбом молодой москвички, родственницы Варвары Лопухиной; эта девушка ушла потом в монастырь и, умирая, завещала альбом совсем простой женщине, с которой подружилась, будучи уже монахиней. И та сохранила его, а умирая, завещала своей дочери, и так он попал в руки внучки ее — ныне уже пожилой женщины Анны Немковой.

Телевидение! Радио! Какие это мощные инструменты, какие могучие рычаги политической и культурной жизни страны! И какие необыкновенные помощники в деле разыскания исторических материалов всякого рода. Четырнадцать лет я разыскивал человека, умершего в 1936 году. Знал его имя, отчество, фамилию, знал, что долгое время он жил в Москве и, кажется, был художником. Сколько сил употребил я на то, чтобы узнать его прежний адрес и обнаружить его архив — к нему по наследству от дяди его профессора Висковатова, имя которого я уже называл, перешли автографы Лермонтова и других русских писателей!

Безрезультатно искал я его. Наконец, выступая по телевидению, я обратился к зрителям с просьбой помочь мне найти архив. И что же вы думаете! Кончилась передача — я получил двадцать шесть советов — по телефону, а потом и по почте. И узнал об этом человеке решительно все, что интересовало меня. Сейчас иду по следам архива. Пока еще не нашел. Ведь прошло около тридцати лет...

А тем временем из ФРГ получаю сообщение: лермонтовские автографы попали еще в одну из западноевропейских стран, напишите владельцу по адресу...

В Стокгольме в 1921 году в издательстве «Северные огни» был выпущен на русском языке

роман Лермонтова «Герой нашего времени». И в книге этой воспроизведен неизвестный рисунок Лермонтова, заимствованный из альбома, принадлежавшего некоей Е. С. Грузовой. Где она? Кто она? Где альбом? Стокгольмское издание не попало в Россию и представляет собою величайшую редкость.

Находка такого рода — простая случайность. Но большинство из них требует твердого плана, упорства и времени.

Среди знакомых Лермонтова внимание исследователей давно уже привлекала фигура юной московской красавицы Веры Бухариной. Лермонтов посвятил ей один из своих мадригалов. Позже, когда она вышла замуж за полковника Анненкова, бывал у нее в гостях. Эта женщина пережила Лермонтова более чем на шестьдесят лет. Она умерла в 1902 году, почти девносталет от роду. Из печати было известно, что после нее остались интересные записки, в которых Бухарина-Анненкова рассказывала о встречах своих не только с Лермонтовым, но и с Пушкиным и многими другими замечательными людьми той эпохи. Куда девались эти записки после смерти мемуаристки, исследователи не знали и установить не могли.

Я взялся за это дело двадцать шесть лет назад. После долгих усилий нашел переписку, касающуюся этих записок. Оказывается, еще в 1900 году, при жизни Анненковой, писательница Надежда Мердер условилась с редактором журнала «Исторический вестник» Сергеем Шубинским, что переведет их на русский язык — Анненкова писала по-французски. Перевод был сделан тогда же, но родственники старой аристократки не разрешили напечатать его.

Умирая, Анненкова завещала французский оригинал своему несовершеннолетнему внуку, который, будучи сыном русского дипломата, постоянно жил за границей. И подросток увез драгоценную рукопись из пределов России. Его звали Борисом Струве. Это было 60 лет назад.

Оригинала я не искал. Надеяться, что я смогу его обнаружить в Европе, было бы подобно попыткам отыскать простую булавку в стоге соломы.

В 1961 году вместе с делегацией советских писателей ехал в автобусе по улицам Лондона. Нашу группу сопровождает и дает пояснения бывшая парижанка. На всякий случай задаю ей вопрос:

— Вы не встречали во Франции или в какой-либо другой европейской стране фамилию Струве — я не спрашиваю вас об американском филологе Глебе Струве, с которым советские критики часто ведут дискуссии по вопросам современной литературы.

— Да, во Франции живут какие-то Струве, но я не помню имени и не знаю их адреса.

1962 год. Еду в Москву из дачного городка Перedelкино. Один маститый писатель поднимает руку, просит довести до Москвы его гостя.

Дорогой выясняется, что гостя постоянно живет в Париже. Спрашиваю, не знает ли она там каких-нибудь Струве.

— Да, как же! Доктора Глеба Струве. Кстати, он сейчас находится в Москве — приехал на онкологический конгресс и живет в гостинице «Ленинградская».

Еду в гостиницу — выясняю: участник конгресса онкологов — внучатый племянник того самого Бориса Кирилловича Струве, который увез мемуары Бухариной-Анненковой из пределов России. Борис Струве скончался еще молодым более полувека назад. Оригинал мемуаров, по мнению доктора Струве, находится в Париже у сестры покойного Бориса Кирилловича. В конце разговора доктор обещает поговорить со своей тетушкой, узнать все подробности и выслать записки, если они целы.

Получаю письмо. Дело, оказывается, сложнее, чем казалось вначале. Борис Струве жил за границей, а умер в Петербурге, незадолго до революции. В 1917 году записки Веры Анненковой были помещены в сейф одного из столичных банков — Государственного банка России, Международного банка или в частный сейф, принадлежавший родственнице покойного. Доктор Струве выражает сомнение, можно ли отыскать мемуары, помещенные почти полвека назад в банковский сейф в один из самых бурных моментов всемирной истории.

Лечу в Ленинград. Кидаюсь в архивы. Изучаю перечни документов, изъятых из банковских сейфов в 1917—18 годах.

Записок Анненковой нет!

Оказывается, несколько лет назад их обнаружила в Москве, в Центральном архиве древних актов сотрудница И. Богина, когда описывала бумаги из разрозненных личных фондов. Описала, внесла в каталог, но никто этих записок с тех пор не спрашивал. И только теперь она узнает, что я ищу их долгие годы. А я обращался в этот архив и в 30-х годах, и в 40-х. В последний раз, кажется, в 1951 году. Между тем нашлись записки позднее.

Страницы, на которых Анненкова ведет свой рассказ о Пушкине и о Лермонтове, так же, как и другие находки и многие другие исследования, о которых я здесь не успел рассказать, я публикую в своей новой книге о Лермонтове.